

КВАЗИПАРТИЙНОСТЬ В РЕГИОНЕ

КАЗУС¹ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

И ОБЩЕРОССИЙСКАЯ СИТУАЦИЯ

Виктор Ковалев

Сыктывкар

«Смысл так называемой перестройки - заключается в переводе государственной собственности в собственность партии. При этом партия, естественно, превращается в ограниченный, закрытый клуб, то есть в «частное дело». И, как всякое частное дело, она должна переместиться со сцены социальной и политической жизни за кулисы. Коммунистическая партия в конце 80-х - начале 90-х годов насильственно и грубо создала весь веер политических партий России, при этом «исчезнув». Но из ее руководителей никто не исчез. Они возглавили партии, движения и даже новые государства.

*Речь идет о «внутренней партии...»
Дм. Галковский, литератор*

*«Никаких партий в России, собственно говоря, не существует.
Никаких партий, кроме партии власти, никогда и не было ...
Коммунисты не партия чьих то интересов, а партия идеологии».
М. Прусак, губернатор.*

1. Квазипартийность и политические организации

В современной России *квазипартийность* присуща не только политике регионального уровня. В некоторых публикациях можно встретить резко выраженные мнения об отсутствии в России партий как таковых (См. ¹) Оставим открытым вопрос, есть ли сейчас в нашей стране «настоящие» партии. На вопрос о наличии российских партий наиболее адекватным будет ответ, что партии находится в процессе становления².

---

¹ Данный очерк представляет собой преимущественно анализ партийной системы одного региона - Республики Коми. За такими исследованиями отдельного случая у нас уже закрепилось название case study, или просто «кейс». Между тем «случай» обозначается и как «казус», что, учитывая смысловые оценки нот слова в русском языке, больше подходит для данного текста (с описанием неустоявшейся региональной партийной системы. деятельности как бы «партий» и порой незадачливых партийных активистов).

Но? несомненно, «как бы партии» присутствуют в огромном количестве. По недавним сведениям, в России сейчас около двухсот с половиной зарегистрированных партий и других политических объединений; на региональном же и местном уровне числится сейчас более десяти тысяч³ различного рода объединений, связанных с политикой. И даже после проведенной перед выборами 1999 года селекции-перерегистрации их количество и «ассортимент» продолжает поражать. Столь великое число наводит на мысль о том, что до сложившейся партийной системы с устойчивыми политическими организациями неустойчивой российской демократии ещё очень далеко. Множественность партий связана с тем, что партии испытывают трудности с самоидентификацией⁴. Как справедливо замечают В.А. Олещук и В.В. Павленко, сейчас «в большинстве случаев правомерно говорить не столько о партиях, сколько о неких первичных «протопартийных» формах политической жизни с сопутствующими этим формам издержками - аморфностью, раздробленностью, чрезмерной идеологизацией, запредельными амбициями больших и маленьких лидеров и пр».⁵

В обозримом будущем придется иметь дело преимущественно с квазипартиями, квазидвижениями и т.д. то есть с квазипартийностью. Под квазипартийностью мы здесь понимаем (достаточно широко) деятельность партийно-политическую по видимости, но на самом деле имеющую с ней мало общего, когда за названием зарегистрированного или обозначенного, скажем, я СМИ политического объединения стоит иная (коммерческая, криминальная и т.д.) деятельность; когда за означенными партией, движением или блоком нет организованного социального интереса и это объединение не более чем игра амбиций некоего человека или игра бюрократических, административных структур. Без сомнения, в портрет обозначенного нами явления можно добавить и много других штрихов.

К основным факторам, определяющим такое положение вещей, относятся:

- отсутствие у декларированных партий сложившейся социальной базы, что не диво для плодящего нищих и маргиналов общества с несложившейся социальной структурой и влиятельным средним классом, с перманентным экономическим кризисом;
- отсутствие идеологии, привлекательной для широких слоев населения, которая бы не только пассивно разделялась, но и побуждала бы к активным действиям;
- отсутствие (или ярко выраженный дефицит) ярких и достойных политических лидеров, которые заставили бы поверить себе как политикам, заботящимся об общенациональных, а не только своекорыстных интересах.

■ отсутствие необходимых организационных навыков, развитых помимо довлеющих сверху бюрократических структур и собственных «присутствий», неумение спланировать ради защиты собственных интересов.

Пока распад «патримониальных» комплексов не сопровождается спонтанным становлением структур, организационно и функционально способных артикулировать интересы и потребности структурирующегося гражданского общества⁶.

Сказывается также то, что между публичной политикой и реальным механизмом принятия важных решений в Российской Федерации сейчас дистанция огромного размера. Партии же выступают как инструменты публичной политики и в наших обстоятельствах как декорации политики реальной, то есть опять же с приставкой «квази-». Дж.Т. Ишияма применительно к посткоммунистическим странам пишет о «массовоподобных и «кадровоподобных» партиях⁷. Продолжая эту линию, мы бы говорили применительно к сегодняшней России не о партиях, а о «партийноподобных» структурах.

Тут самое время разобраться и с понятием «партия». Вряд ли это возможно в полной мере, ведь существует не менее двух сотен определений партий и несколько десятков их типов⁸. Среди множества удачных и неудачных определений партий, например Энциклопедический словарь по политологии, вышедший в Москве в 1993 г., определяет *партию политическую* как «организованную группу единомышленников, представляющую интересы части народа и ставящую своей целью их реализацию путем завоевания государственной власти или её осуществления»⁹. «Если власть - самый дорогой и самый ценный продукт, выработанный обществом, - считает А Юрьев, - то политические партии - институты по организации исторической власти, её проектированию и строительству»¹⁰. Дж. Лапаломбара отмечает: «Такие простые, кажущиеся естественными политические термины, как «партия», несут различную смысловую нагрузку в различных условиях»¹¹. Г. Голосов понимает партии как добровольные ассоциации избирателей, стремящиеся контролировать правительство путем победы на выборах и овладения в результате этого официальными учреждениями¹². Партия, по сравнению с политическим движением, выступает как более жестко структурированная и четко оформленная организация. Московский политолог В. Разуваев высказал довольно меткое замечание о том, что в условиях современного переходного периода в России во всю проявляется «партийная немощь», когда практически невозможно структурировать политический интерес в форму партии (исключения - КПРФ и, может быть, ЛДПР) и в политической жизни России доминируют движения и блоки¹³

Нам представляется более уместным использовать расширительный подход к определению политической партии как организации, выражающей интересы части населения и борющейся за власть.

Как видим, под такое достаточно широкое понятие подпадают и другие политические объединения с меньшим уровнем организационной сплоченности. Но приставка «квази-» просится и к ним.

2. Некоторые региональные особенности «партийного строительства»

Применительно к региону (в данном контексте, да и вообще в региональных социально-политических исследованиях, удобнее употреблять как синонимы термины «регион» и «субъект федерации») мы будем говорить и об отделениях российских партий и движений, имеющих в регионе, и о политических объединениях республиканского уровня. Это зарегистрированные организации, открыто заявляющие о своих претензиях на власть, то есть в широком смысле «партии». Или квазипартии?

Анализировать деятельность политических организаций (партий, движений и так далее) в российской провинции, на первый взгляд, весьма просто. Худо-бедно в постсоветской России уже существует кое-какая электоральная история, трижды проводились выборы по партийным спискам. Практически везде зарегистрированы региональные отделения партий и движений, есть данные (часто не очень достоверные, что вызвано состоянием самого исследуемого объекта) об их численности, лидерах, местных ячейках и т.п.¹⁴

Таблица 1

Голосование по партийным спискам на выборах в Госдуму по РК

Избирательное объединение или блок	1993	1995	1999
«Единство»	-	-	31.48
КПРФ	7.05	13	16.67
СПС (ранее ВР и ДВР - ОД)	21.83	4.7	9.94
«Яблоко»	7.09	5.5	8.91
Блок Жириновского (ЛДПР)	24.3	17.5	7.48
Отечество - вся Россия	-	-	5.68
Партия пенсионеров	-	-	3.6
Женщины России	12.8	7.6	3.46
НДР	-	12.9	1.92
Коммунисты - за СССР	-	3.0	1.63
ПРОТИВ ВСЕХ	4.7	3.72	3.06

Фактом местной политики стало участие партий в региональных выборах, в некоторых регионах они приобрели отчетливо выраженную партийную окраску. О действиях под партийным флагом написано у нас уже очень много¹⁵. Имея в виду фактическую сторону дела, я бы указал прежде всего на материалы «Политического мониторинга» Института гуманитарно-политических исследований, в выпусках которого до недавнего времени рассказывалось о демократических, коммунистических и национал-патриотических организациях¹⁶, о партийной активности в регионах.

В качестве удачного примера исследования региональных политических партий весьма показателен «кейс» по Свердловской области, выполненный В. Гельманом и Г. Голосовым¹⁷. Авторы отмечают, что «региональные партийные системы остаются недоразвитыми по сравнению с общероссийской партийной системой, что создает серьезные препятствия и для становления последней. В то же время причины данного феномена до сих пор остаются неизученными, и это оставляет открытым вопрос о перспективах регионального и общероссийского партийного развития»¹⁸. Как отмечает Г. Голосов, «исследование отклоняющегося случая формирования партийной системы в Свердловской области позволяет сделать вывод о том, что сочетание конфликта внутри региональной элиты с конфликтом по линии раскола «центр - периферия» может послужить толчком к структурированию поля партийных альтернатив. При этом ускоряется развитие партий»¹⁹.

Пример Свердловской области пока достаточно уникален и выступает как *deviant case*. Екатеринбургский политолог И. Горфинкель на семинаре «Центр - регионы - местное самоуправление» (апрель 1999 г.) затронул вопрос о феномене региональных партий и движений в Свердловской области, которые в силу жесткой борьбы получили в региональном политическом процессе самостоятельную роль, оторвались от своих административных «родителей» («маток»), то есть вышли из-под крыши тех административных структур, где первоначально образовались.

Политические структуры российских регионов в постсоветский период заметно различаются, даже если сами регионы типологически схожи по многим основаниям. Среди немногочисленных попыток исследовать становление партийной системы на региональном уровне выделяется исследование Г. Люхтерхандт, сравнившей процессы, происходящие в Свердловской и Самарской областях. Она пишет: «Начало политического развития в двух структурно по целому ряду показателей (численность населения, национальный состав, тип промышленности и в особенности доля ВПК, закрытый характере развития, научная и образовательная инфраструктуры и т.д.) сходных областей начинается на заре перестройки одинаково - с массовых протестов населения», но по-

том векторы политического развития двух похожих областей существенно расходятся. Г. Люхтерхандт объясняет различия двух вроде бы схожих областей паттерном регионального развития, исторически формирующимся типом воспроизводства региональной идентичности²⁰.

Данная работа представляет собой попытку сделать некоторые предварительные выводы из ведущихся автором несколько лет наблюдений за развитием «конфигурации» региональных политических организаций. Видимыми результатами этих наблюдений и опросов лидеров общественно-политических организаций явились два выпущенных нами справочника об этих организациях в РК²¹. В ходе подготовки данной статьи мы ставили задачу отразить некоторые типичные именно для российских авторов точки зрения на развитие отечественной партийной системы, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

У большинства населения «части народа» (то есть партии) особого доверия не вызывают. По данным проведенного нами весной 1996 года республиканского исследования, на вопрос «Какие силы оказывают наиболее сильное влияние на развитие общественно-политической ситуации в Республике Коми?» вариант «политические партии» выбрали лишь 1,1% респондентов. Большинство опрошенных отмечало республиканские органы исполнительной власти - в сумме - 22,2%²².

Обратим внимание на то, что опрос был проведен весной 1996 года - года президентских выборов, когда уже всю бушевала предвыборная истерия с массивной обработкой общественного мнения и политические партии на местах, казалось бы, имели все шансы заявить о себе путем поддержки своих кандидатов. Очевидно, в более спокойные времена население на партии в регионах обращает еще меньше внимания.

Мы относим к партийной системе как отделения общероссийских организаций, так и региональные структуры, созданные для выборов, причем имеет место «партийный регионализм» или, иначе, самостоятельность региональных структур, их независимость от центральных органов. Отсюда - самые нелепые конструкции²³. Филиалы общероссийских партий принимают участие в местной политике, а региональные общественные организации занимаются и федеральными выборами. Наш очерк о политических организациях в регионе касается как тех, так и других.

Однако выборы не дают этим рахитичным структурам даже толику власти. Эти партии играют роль как бы вечного аутсайдера, для которых выборы - своеобразное хобби.

3. Из истории «многопартийности» в Коми. Современное состояние.

Активно процесс образования и регистрации политических структур пошел в 1990-е годы. В конце 80-х годов при наличии ярко выраженной общественной активности в Сыктывкаре возник Союз демократических инициатив (в 1988 году по поводу этой группы принимались даже специальные решения обкома КПСС). Много шума наделала студенческая демонстрация в мае 1988 года. Чуть позже в Сыктывкарском университете сформировалось движение «Инициатива», перед первыми выборами на Съезд народных депутатов СССР и РСФСР периодически собирался дискуссионный клуб. Это были, по сути, первые протопартийные структуры типа клубов демократически настроенной интеллигенции. Сходные процессы наблюдались и в ряде других городов республики. В заполярной Воркуте к концу 1980-х годов относится формирование независимых горняцких профсоюзов²⁴. Эта самостоятельная политическая активность в условиях конца 1980-х - начала 90-х годов явилась заметным политическим ресурсом. Участие членов протопартийных групп в первых свободных выборах позволило в ряде случаев переиграть представителей коммунистической номенклатуры.

Однако сейчас партии мало влияют на российскую политику, где наиболее важные решения принимаются узким слоем взявшей реванш номенклатуры и новыми богатыми. Вся совокупность институциональных факторов: «смешанная несвязанная» избирательная система, президентализм, ассоциативный федерализм - не благоприятствует организационному укреплению партийной системы и способствует фрагментации спектра идеологических альтернатив²⁵.

Еще меньше роль партий в большинстве российских регионов. Как отмечает Г. Каменская, «федеральная система ещё больше увеличивает кривизну пространства, в котором протекает политическая конкуренция в пользу элиты»²⁶, и это влияет на партийное строительство. Собственно, реальная, влияющая на политику многопартийность здесь так и не сложилась. Произошел переход от протопартийности к квазипартийности. Между ними не было резкой, «формальной» грани, а была полоса неопределенности и надежд. На общероссийском уровне моментом перехода стали события осени 1993 года, положившие предел институциональной неопределенности в российской политике. В условиях закрепления моноцентрического, суперпрезидентского режима в России и его аналогов в регионах это означало доминирование неформальных институтов. Установление новых правил, экономические и политические реформы не оставляли перспектив большинству населения страны и делали их потенциальными сторонниками несистемных политических объединений.

В Республике Коми этап протопартийности начал переходить в следующий уже вскоре после победы над путчем в августе 1991 года. (Некоторые исследователи, правда, считают, что «процесс формирования партий из протопартий выступает как пульсация: формирование партийной коалиции - разбегание протопартий в поисках новых политических ресурсов - формирование новой партии-коалиции - опять разбегание, раскол на протопартии»²⁷).

Вспышка партийных надежд прошла, отделения партий увядали вскоре после своей официальной регистрации. Деятели, «засветившиеся» политической активностью еще в конце 1980-х годов, и сейчас мелькают в СМИ как участники демократических, правозащитных и прочих организаций. Многие отошли от активной политической деятельности или были инфильтрованы в состав «партии власти», некоторые стали активными деятелями национальных организаций, прежде всего коми национального движения. Конечно, попытки проявить политическую активность «снизу» существовали в Коми как на этапе протопартийности, так и на этапе квазипартийности, но успехом они не увенчались.

В 2000 году картина «многопартийности» в Коми выглядит следующим образом. Из более чем шестисот организаций, зарегистрированных в республиканском Министерстве юстиции республики, в РК действует около 20 республиканских отделений российских политических партий и движений различной направленности. Некоторое количество сторонников существует у партии «Демократический выбор России», Партии любителей пива, Российской коммунистической рабочей партии, Республиканской партии Российской Федерации, Христианско-демократического союза, а также у Российской народно-республиканской партии и движения «Честь и Родина» генерала А. Лебедея. Наиболее многочисленны и влиятельны организации движения «Наш дом - Россия» (зарегистрировано в республике в 1995 г.), блок-КПРФ - НПСР (КПРФ в республике зарегистрирована в 1993 г., Народно-патриотический союз России - в 1996 г.). Пользуются некоторой популярностью Либерально-демократическая партия России, движение «Яблоко». Есть отделения движения «Реформы - новый курс» и «Народного Дома», в ряде городов и районов РК активно действует организация «Мемориал».

Совокупная численность всех партийных активистов в Республике Коми, если верить данным, предоставленным самими политическими организациями, не превышает 2500 чел. Вот некоторые данные нашего опроса;

Таблица 2

**Численность активистов ряда региональных отделений
русских партий в РК (1995)**

Партия (региональное отделение)	Численность
«Выбор России» (ДВР)	85-90
ЛДПР	свыше 800
«Держава»	примерно 30
Партия российского единства и согласия	25
Партия экономической свободы	34
Российская коммунистическая рабочая партия	свыше 200
КПРФ	1100

При этом лишь сторонники ЛДПР и КПРФ могли похвастаться наличием партийных ячеек во всех городах и районах Коми. Позже такого охвата добилось Коми региональное отделение движения «Наш дом - Россия». «Отечество» и «Единство», но это было связано скорее с наличием в каждом городе и районе своей администрации. Конечно, у всякой организации есть сочувствующие, постоянно поддерживающие ее на выборах, но приведенные данные говорят о том, что число партийных активистов в республике очень невелико²⁸. За последующие годы положение в Коми не изменилось принципиально, хотя иные из структур были окончательно забыты, а на их месте появились новые. Следующее наше исследование политических объединений в Коми относится ко второй половине 1997 года²⁹, в дальнейшем мы также постоянно отслеживали ситуацию.

Итак, к числу наиболее заметных организации в регионе относятся КПРФ - НПСР, а также новый вариант партии власти, на сей раз губернаторской, «Отечество - Вся Россия». После относительного неуспеха ОВР на выборах в Думу и уже в ходе самой думской кампании 1999 года фаворитом для властей во многих регионах стало «Единство».

«Медведи», занявшие в республике по федеральному округу первое место, не имели в ходе выборов в РК своей организации, да и на федеральном уровне завершили свое организационное оформление уже после 19 декабря 1999 г. Журналисты выдвигают предположение, что руководить «Медведем» в РК будет заместитель Главы РК Вячеслав Бибииков, который по роду своей деятельности курирует в республике МЧС и ГО. Первые замы Главы РК уже заняты на партийной работе: А. Окатов был «брошен» на НДР, а А. Каракчиев возглавил «Отечество». Теперь власть действует более гибко: В. Бибииков будет просто курировать «Медведя», а его сопредседателями избраны А. Томов (депутат Госдумы) и А. Павленко из «Нардома». Вообще же, как пишет местный

журналист, «учредительная конференция «Единства» мало чем отличалась от аналогичного собрания местных сторонников лужковского «Отечества», прошедшего 10 месяцев назад, 20 марта 1999 года². Те же лица, те же лозунги, тот же пафос»³⁰.

Но поскольку у российского «чуда-юда» - «партии власти» - вырастают все новые и новые головы, то на местах может возникнуть и некоторая путаница с тем, на кого ориентироваться в Москве. Но здесь выручают региональные объединения.

В Коми еще осенью 1998 года, заблаговременно и с подачи республиканских властей, был образован союз «Преображение Севера». В этот союз вошли отделения Демроссии, ДВР, Народного дома, СДПР, Движения «Женщины России» и НДР. Позже список расширился.

В названии - «Преображение Севера» - можно без труда узнать кальку с движения «Преображение Урала». Но если, как сказано выше, уральская региональная партия уже отправилась в самостоятельное плавание, то ее коми аналогу до этого еще далеко. Оно продолжает существовать под крылом республиканских властей и пополняется и изменяется не без их воли. Однако оно уже стал неким маркером, которым метят даже депутатов на проходящих в республике выборах.

В Госсовете РК ныне существует 3 фракции, в которые входят 42 депутата из 50. В составе Госсовета прошлого созыва было также 3 депутатские группы, 2 созданные скорее по «производственному» (аграрная и промышленная) принципу и одна - «За социальную справедливость» - сочувствовала коммунистам, а в 1997 г. перед выборами Главы РК появилась и «фракция» - НДР. В Верховном Совете республики (1990-1994) выделялись фракции «Демократический форум» и «Чужан му» (Родная земля), но потом их деятельность затухла.

Сейчас все эти игры во «фракции» представляются довольно большой условностью. На самом деле, в республиканском парламенте есть члены «партии власти» и несколько депутатов, пытающихся быть независимыми. Ради того, чтобы констатировать данные факты, вряд ли стоило писать эту статью. Но, может быть, так и надо: если население не в состоянии образовать свои организации, надо помочь ему сверху, со стороны организованной бюрократической силы. Процесс складывания партийной системы занял бы, иди он эволюционным путем, длительное время. Так создадим квазипартии, поиграем во фракционность в региональных легислатурах, и, может быть, со временем симуляция партийности превратится во что-то настоящее, как это происходит, например, в Свердловской области. Малую надежду на такое развитие

---

² В конце февраля 2000 г. на съезде «Единства» в Москве Глава РК Ю. Спиридонов был избран в политсовет движения. В марте на заседании Госсовета РК из республиканской Конституции было в спешном порядке изъято положение, запрещающее Главе быть членом политических организаций.

событий дает сохранение института выборов в России и регионах. Рассмотрим их подробнее.

4. Выборы и институциональные условия для развития политических организаций в России. Партии как выразители интересов групп населения или идеологические ниши. Медиатизация политики

Довольно часто проходящие выборы заставляют все же вспоминать и о политических организациях. Но оживления, сопровождающего очередную избирательную кампанию, хватает ненадолго. Как пишут В.А. Олещук и В.Б. Павленко «их (партий - В.К.) роль и влияние как самостоятельных субъектов политического процесса устойчиво снижается в межвыборный период. Как показывает практика, после губернских (более широко: выборов в регионе - В.К.) выборов происходит вполне естественные смещения акцентов в сторону неполитических (т.е. непартийных) - корпоративных, отраслевых, групповых и иных - интересов. Это тем более очевидно, если учитывать, что в регионах корпоративный принцип общественной жизни всегда доминировал над социально-политическим, партийным»³¹.

Как показывает опыт кампаний 1993 и 1995 годов, большинство избирательных объединений были слеплены искусственным образом и развалились сразу после выборов. Замечено также, что и «побеждающие на первых выборах партии - рыхлые, неоднородные, со слишком широкой программой»³² и что сами политические организации находились между выборами почти что в состоянии анабиоза, чтобы ненадолго выйти из него в ходе следующей кампании. Но зачастую даже такой выход поддерживался через искусственную стимуляцию партийности со стороны властей.

Уже в ходе выборов в Госсовет РК (1995 г.) и особенно президентских выборов 1996 года стало ясно, что так называемые партии не играют самостоятельной роли, а используются в качестве готовых форм в процессе административной мобилизации электората.

Пока приходится констатировать, что интересы значительной части населения без агрегации и артикуляции с помощью политических объединений не представлены никак. Такое положение хорошо известно специалистам по политическим переходам³³. В транзитологии подчеркивается значение политических партий именно в переходный (к демократии) период. Т. Карл и Ф. Шмиттер считают, что политические партии выдвигаются в центр во время переходного периода, когда созыв и проведение выборов «высвечивают» их способность синтезировать предпочтения тех или иных политических актеров в различных территориальных округах³⁴. Увы, у нас это не так.

Переходный характер российского общества играет существенную роль, социальная структура в переходных обществах также остается в переходном состоянии, что и затрудняет политическое выражение интересов групп с сильно размытыми границами, делая их маргинальными. А «партийная система может сложиться и нормально функционировать, только опираясь на устойчивую социальную структуру при наличии сравнительно устоявшихся и осознанных интересов социальных макро-групп»³⁵. В России процесс формирования новой социальной стратификации еще не завершился.

Конечно, можно перевести проблему в другую плоскость и рассматривать партии, как делает это С.И. Степанов: «практически применимая типология российского партийно-политического спектра базируется на идеологической основе... Партия - организованное представительство типа массового сознания»³⁶. Интересно, что автор, отстаивающий такой подход, склоняется к выделению тех крупных блоков партий, которое сейчас общепринято:

1. Национально-патриотические.
2. Социалистические и коммунистические.
3. Либерально-демократические³⁷.

Но внутри них есть различные идеологические ниши, которые, в силу культурной разнородности, конечно, не остаются «незаселенными», но являются крайне немногочисленными. Например, в Сыктывкаре формально была ячейка христианских демократов (весьма влиятельных в ряде западных стран), но к политике в РК она никакого отношения не имела и не имеет. Каких-то важных сведений о политической активности в РК христианских демократов мы также не имеем, но ниша занята. В условиях, когда осуществлять жесткий контроль за циркуляцией информационных потоков невозможно, подобные «партии» вполне могут заявлять о себе. Но такое воздействие посредством слова или образа было и в период самодержавия или авторитарной диктатуры. Причем здесь партийная демократия? Так и появляются партий-фантомы.

Пока же множество подобных групп и в Москве и в провинции ныне никого не представляют, кроме своей этикетки. Что реально могут эти партии в условиях суперпрезидентского режима в России и его аналогов в субъектах федерации? Исполнительная власть и в центре, и на местах не хочет базироваться на каких-то партиях, то есть не хочет отвечать вообще перед кем-либо, а на период выборов легко создает квазипартии и псевдообщественные движения - были бы деньги и контроль над СМИ.

И вновь об институциональных условиях, не благоприятствующих развитию российской многопартийности вглубь. При формировании

партий к институциональным факторам прежде всего относится избирательная система. Правила выборов в Госдуму и региональные legislatures объективно этому не способствуют. Избирательная система или формула распределения мест в парламенте³⁸ (поровну между одномандатниками и избирательными объединениями, преодолевшими 5-процентный барьер) скорее даже тормозит формирование реальной многопартийности. При неразвитом партийном влиянии на большинство населения и отсутствии обязательств этих партий наличие пропорциональной системы вызывает серьезную критику. Кого представляют и перед кем отвечают депутаты фракций из сформированных вождами партийных списков? Аргумент, что таким образом фракции привлекают необходимых для работы в парламенте специалистов, малоубедителен, так как депутат по определению должен быть публичным политиком и нести ответственность перед *своими* избирателями. Ценные специалисты же могут привлекаться в качестве экспертов, рекрутироваться в исполнительную власть в случае победы той или иной политической силы; сейчас же в депутаты рекрутируются на основе личной преданности и согласия с партийным вождем или за большие деньги. Но естественно, что сдвиг в сторону чистой мажоритарной системы также опасен. В условиях доминирования региональных властей депутаты будут представлять не население регионов, а их руководителей, находясь в полной от них зависимости. По сути, сейчас именно это происходит в Совете Федерации, где представлены руководители исполнительной и законодательной власти субъектов федерации, независимо от численности их населения и его воли, выраженной через прямое избрание сенаторов. Такое положение еще более затруднит выработку общероссийского политического курса и усилит сепаратистские поползновения.

Существуют варианты сочетания региональных и местных интересов. Так, есть предложение избирать партийных депутатов прежде всего по мажоритарным округам, но с партийной идентификацией³⁹, прозвучал и призыв голосовать против всех избирательных объединений, чтобы в парламент попадали только те представители партий, кто рискнул выставить свою кандидатуру в одномандатных округах⁴⁰. Или, если уж так важно, сохранить общероссийские списки избирательных объединений, сделать эти списки *открытыми*, чтобы избиратель голосовал не только за список, а мог в нём выбирать или ранжировать фамилии. Однако подобные предложения встречаются в штыки.

Чтобы провести реформу избирательной системы, как пишут Рейн Таагепера и Мэтью С. Шугарт. «обычно требуется одобрение членов парламента. Но это - те самые люди, которым действующая избирательная система уже сослужила добрую службу. Зачем им стремиться к изменению системы, благодаря которой они достигли своего нынешнего положения?»⁴¹. Всё что усиливает зависимость членов партий от вож-

ди партийной бюрократии, то есть уже в самих партиях способствует развитию «кокусов»⁴².

Современный политический процесс характеризуется зависимостью от массовых коммуникаций, сильнейшим воздействием на него средств массовой информации, прежде всего телевидения. Говорят даже о медиатизации политики. На выборах создается виртуальная политическая реальность, с виртуальными же партиями и имиджами политиков, имеющих с реальными интересами избирателей очень мало общего. Партийная демократия остается такой же виртуальной, пока реальные решения принимаются за кулисами и вопрос о количестве голосов сводится к сумме денег и количеству эфирного времени. Развитие политической культуры российских граждан, культуры осознанного участия в решении проблем своей страны и своего региона идет вопреки всему этому, но с большим трудом. Сейчас «мы имеем противоборство не только различных партий между собой, но противоборство двух типов политики: публичной, электоральной - с одной стороны, и закрытой, аппаратно-клановой - с другой», и это определяет для российских влиятельных лиц «своеобразное понимание политики - не столько как согласования интересов, сколько как манипулирования социальной реальностью»⁴³.

5. «Посткоммунистическое касикисмо» - «Партии власти»: возможны варианты

А что такое, собственно, «партия власти»? Как пишет В.А. Ачкасов, «плебисцитарный, вождистский тип демократии, утвердившийся ныне в России и базирующийся исключительно на «процедурной» демократической легитимности, предполагает исключительную политическую роль президента, а значит, и власть структур, замыкающихся на него. Одним из следствий этого является стремительный рост государственно-бюрократической вертикали и формирование особой корпоративной «партии власти», которая сумела превратить в капитал власть и управленческие функции, а также сохранить монополию на распределение материальных и иных ресурсов. В условиях, когда в российском обществе продолжают почти независимо друг от друга существовать протопартии, ничего не представляющие, и граждане, не идентифицирующие себя с какой-либо социальной группой и социальным интересом, эта партия власти обладает неограниченным политическим весом и все значительные политические решения являются результатом борьбы или торга между фракциями этой партии»⁴⁴.

Феномен, обозначаемый как «партия власти», привлекает внимание не только российских ученых. Японский исследователь Кимитако Мацузато замечает: «для российской мезо-элиты выборность своего стату-

са имеет чрезвычайно важное значение... По всей вероятности, доля затрат на выборы в ВВП в современной России самая большая в мире. Таким образом, компаративисты и постсоветологи поставлены перед задачей объяснить - откуда такая специфика посткоммунистического политического режима России? По этому поводу уже имеются некоторые теоретические и эмпирические размышления. Одно из них - понятие «электоральной машины», выдвинутое германским политологом Михаэлем Бри. Я лично предпочитаю принимать концепцию «режим административной партии» (с учетом определенной управленческой целесообразности этой системы) или концепцию посткоммунистического касикисмо (caciquismo)... Важно отметить, что авторитаризм может быть антонимом демократии, но ни в коем случае - не антонимом «выборности»⁴⁵.

Эти «посткоммунистические касикисмо» мы бы отнесли к квазипартиям в первую очередь. Именно они мешают развитию российской многопартийности, выражению интересов различных социальных групп. Разумеется, Россия отличается не только псевдопартийностью. Отсутствие здесь правового государства порождает высокую степень криминализации политической жизни. В любой стране с нормально действующими законами многие из нынешних деятелей сидели бы не в президиумах учредительных съездов очередной партии или движения, а на скамье подсудимых. Но это проблема уже не для политологов, а для прокуроров.

Доминирование «партии власти» наиболее очевидно в российских регионах, не замутненных московскими партийными «тусовками». Безусловно, территории российской провинции существенно различаются между собой, в том числе и по характеру действующих партий, но эффекты диверсификации не могут быть слишком значительными в рамках политической системы одного государства. По нашему мнению, основные различия нужно искать по оси «консолидация - раскол» властвующих в регионах элит, переплетенных между собой и частично использующих в своей игре партийные структуры регионального уровня.

Хотя нет смысла говорить о развитой партийной системе, надо все же определить место политических партий в региональном, а в значительной степени и общероссийском развитии. В субъектах федерации положение партий и движений зависит от их позиционирования по отношению к данной региональной элите (используется ею или пытается играть самостоятельную роль, находится в оппозиции; при этом идеологические различия на местном уровне играют куда меньшее значение, чем на федеральном, а эта элита может быть, в свою очередь, консолидированной или испытывать видимый раскол. Таким образом, возможны следующие комбинации:

литику и партийную деятельность приходится имитировать, политические вопросы решаются административно-бюрократическим путем. Для граждан, недовольных своим положением, нет значительного центра притяжения, вокруг которого они могли бы структурироваться и постепенно, используя разногласия верхов, отвоевывать для себя пространство политической и гражданской свободы.

Определенный шанс для развития партийных структур появляется в *варианте 2*, когда раскол в рядах региональной элиты побуждает стороны искать союзников в лице партийных структур, а те благодаря этому могут некоторое время развиваться.

Вариант 3 явно гипотетический. Можно помечтать, что когда-нибудь политически структурированная и оформленная воля большинства населения сможет выдвигать лидеров, которые будут заботиться о его (большинства) интересах. Пока же у нас «граждане не стремятся ни к объединению в формальные организации, ни к воздействию на власть. Сказывается многолетняя практика дистанцирования от государства. Такое общество не может, да и не хочет формировать правовое государство, отвоевывая у него пространство для организации, ставя пределы вмешательству в свою жизнь»⁴⁶.

Вовсе не факт, что раскол в элите без мощного давления «снизу» приведет к развитию партий и они приобретут самостоятельное значение. Различные криминально-олигархические группы, борющиеся за влияние на «хозяина» страны или региона - это тоже своего рода фракции «партии власти», но лете ли от этого населению?

Вариант 2, связанный со сменой региональных властей и опорой на партийные структуры, сейчас скорее тяготеет к *варианту 1* - политической монополии в регионе - нежели к свободным демократическим выборам.

Возникновение партий является ответом общества на потребность в механизме политического участия. Спектр политических сил формируется по отношению к конкретным проблемам, стоящим перед обществом. Новые проблемы, вокруг которых сегодня формируются партии в Восточной Европе, касаются сроков проведения и цены экономических реформ⁴⁷. При этом слабость социальной базы партий, равно как и их отстраненность от участия в представительной власти, обернулась ослаблением обратной связи системы государственного управления с обществом⁴⁸. Это усиливает кризис государства и общества.

Вопрос о развитии партий в России и регионах остается открытым, как и вопрос о дальнейшем движении к демократии. Единственным залогом успеха является сохраняющееся прямое, равное и тайное всеобщее избирательное право. Породив за прошедшее десятилетие уродцев вождистской плебисцитарной демократии и квазипартийность, оно тем не менее оставляет надежды и на иные варианты развития ситуации

При смене нынешней власти в Москве будет иметь смысл говорить о реформах Конституции и избирательной системы, о контроле населения за властью на местном, региональном и федеральном уровне, о постепенной консолидации демократии, в том числе и через выборы с участием партий.

Иной же вариант, связанный с ограничением избирательных прав граждан и дальнейшим превращением представительной «ветви» в декорацию авторитарного режима, будет означать окончательный крах политической модернизации, сохранение существующих политических монстров (реликтов) и полное бесправие населения. А для региональных властей отпадет потребность даже в декоративных квазипартиях, о которых постараются поскорее забыть.

---

¹ Майоров А. Г. Кризис политических партий и альтернативы партийному правлению // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1994 № 2. С. 60-64.

² Марков С. Формы существования политических партий в современной России // Формирование политической системы России. М., 1996. С. 11.

³ Кодин М. И. Современный политический процесс в России: общественно-политические объединения и политическая элита. М., 1997. С. 30.

⁴ Марков С. Указ. соч. С. 14.

⁵ Олещук В. А., Павленко В. Б. Политическая Россия. Партии. Блоки. Лидеры. Год 1997: Справ. М., 1997. С. 7.

⁶ Володин А. Г. Становление современных политических институтов в России: Проблемы методологии и методики преподавания // Проблемы политического развития России в условиях «неконсолидированной демократии»: Материалы научной конференции. М., 1999. С. 47.

⁷ Ишияма Дж. Т. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике // Полис. 1999. № 4. С. 154.

⁸ Кулик А. Партийная демократия: политические партии в формировании открытого общества на Западе и в России. М., 1997. С. 14.

⁹ Политология: Энциклопедический словарь. М. 1993. С. 245.

¹⁰ Юрьев А. Классификация партий России по их политической аргументации // Власть. 1997. № 7. С. 49.

¹¹ Цит по: Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследования по демократизации // Политическая наука. Новые направления. М., 1998. С. 358.

¹² Голосов Г. В. Сравнительная политология. Учебник. Новосибирск. 1994. С. 104.

¹³ Разуваев В. Партиям наступает конец? // Независимая газета. 1999. 27 мая.

¹⁴ В провинции в середине 90-х годов появились издания, ставящие цель первичной систематизации данных о подобных структурах. Мы можем выделить, например, книгу о «третьем секторе» Нижнего Новгорода, подготовленную Сергеем Борисовым и его коллегами, книгу о политических партиях и общественных объединениях в Архангельской области, составленную Ю. Ф. Лукиным и В. Ф. Мельниковым и др. К 1995 году относится также первая попытка автора данного очерка составить сборник о партиях и общественных организациях в Республике Коми.

¹⁵ Из обширной литературы о современных российских партиях выделим, например: Коргунок Ю. Заславский С. Российская многопартийность. М., 1996. Кто есть кто. Политическая Москва. 1994. Часть I. Политические партии и блоки, общественные организации. М., 1994 и другие справочники: Партийная система России и 1989-1993 гг.: Опыт становления М., 1994 и другие.

- ¹⁶ Соответственно в обзорах В. Платонова, Т. Шевшуковой, А. Дрейлинга - Политический мониторинг М.: ИГПИ. 1990-е годы.
- ¹⁷ Гельман В. Голосов Г. Политические партии в Свердловской области. (Региональные практики в сравнительной перспективе) // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. №5.
- ¹⁸ Там же. С. 133.
- ¹⁹ Там же. С.20.
- ²⁰ Люхтерхандт-Михалева Г. Самарская и Свердловская области: становление региональной политики // *Перестройка и после: Общество и государство в СССР, России и новых независимых государствах*. 1988-1998. М., 1998. С.33-34. Новая книга Г. Люхтерхандт, посвященная российским партиям, вышла в Германии на немецком языке: Luchterhandt G. Parteien in Russland. Dokumente und Kommentare. Bremen. 1999.
- ²¹ Партии и общественные организации в Республике Коми. Сыктывкар. 1995; Ковалев В. Партии и общественные организации в политической жизни Республики Коми. Сыктывкар, 1997.
- ²² Вячеслав В. Ковалев В., Шабаев Ю. Ярошенко С. Республика Коми: экономика, политика, национальные отношения. (Социологический портрет весны 1996 года) // *Вестник Государственного Совета Республики Коми*. Сыктывкар. 1996 № 3. С. 20. ²³ Об этом пишут: Олещук В.А., Павленко В.Б. Указ. соч. С. 8.
- ²⁴ Об этом см. книгу: Ильин В. Власть и уголь. Сыктывкар. 1999.
- ²⁵ Голосов Г. В. Становление и развитие российской партийной системы: Сравнительный анализ. Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1999. С. 13.
- ²⁶ Там же. С. 42-43.
- ²⁷ Марков С. Формы существования политических партий в современной России // *Формирование политической системы России*. М., 1996. С. 25.
- ²⁸ Некоторые данные изучения региональных организаций, помимо сборника «Партии и общественные организации в Республике Коми», мы изложили в газетной публикации: *Фантом партийности в региональной политике. (Партийный пейзаж в Республике Коми) // Verbum: газета Сыктывкарского университета*. 1995. № 2. С. 8.
- ²⁹ К сожалению, из-за недостатка места мы не имеем возможности приводить подробные данные о деятельности политических организаций в Коми и других регионах, что придает нашим рассуждениям несколько абстрактный характер. Желающих знать подробности мы отсылаем к нашему справочнику: Ковалев В. Партии и общественные организации в политической жизни Республики Коми. Сыктывкар. 1997. а также к описанию динамики политических организаций в регионах России в «*Политическом мониторинге*» Института гуманитарно-политических исследований
- ³⁰ Суранов Б. Новая партия старой власти // *Трибуна* 2000. 28 янв.
- ³¹ Олещук В.А., Павленко В.Б. Указ. соч. С. 8.
- ³² Роскин М.Г. Новые партийные системы в Центральной и Восточной Европе // *Демократия 1990-х*. Издание специальной информационной службы Информационного агентства Соединенных Штатов. 1995.
- ³³ Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // *Политика*. 1996. №5. С. 20-23.
- ³⁴ Карл Т.Л. Шмиттер Ф. К. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке. Южной и Восточной Европе // *Международный журнал социальных наук*. 1991. №1 («Эпоха демократии»). С 31.
- ³⁵ Автономов А. Основные проблемы формирования партийной системы в России // *Формирование политической системы России*. М., 1996. С. 48.
- ³⁶ Степанов С.И. Проблема типологии российских политических партий. Автореферат дис. ... канд. Полит. наук. СПб., 1998. С.9.
- ³⁷ Там же С. 19,21.

³⁸ Гельман В. Выборы депутатов в государственную Думу // Конституционное право Восточно-европейского обозрение. 1995-1996 №1. С. 32.

³⁹ Жарихин В. Ложные альтернативы // Независимая газета. 1998. 5 февр.

⁴⁰ Памфилова Э. Импичмента заслуживает вся российская власть. Мы пойдем на выборы под лозунгом «Голосуйте против всех!» // Независимая газета 1999. 4 мая.

⁴¹ Таагепера Р. и Шугарт М. С. Описание избирательных систем // Современная сравнительная политология. М. 1997 С. 148.

⁴² Современное русское издание: Острогорский М. Я. Демократия и политические партии М., 1997. С. 569.

⁴³ Марков С. Формы существования политических партий в современной России //Формирование политической системы России. М. 1996 С. 16.

⁴⁴ Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб. 1997. С. 162.

⁴⁵ Мацузато К. Политическая регионология бывших соцстран - достижение и задачи // Перестройка и после. С. 41-42.

⁴⁶ Варламова Н. Преждевременный конституционализм, или восточно-европейский эксперимент обратного хода истории // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение 1998 №2. С. 65.

⁴⁷ Роскин М.Г. Укач. соч. С. 47.

⁴⁸ Кулик А. Партийная демократия: политические партии в формировании открытого общества на Западе и России. М., 1997.